

ОТЗЫВ

официального оппонента на рукопись диссертации

Шведова Максима Николаевича «Чайная культура китайцев: истоки и эволюция» по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Представленная работа посвящена анализу истоков и эволюции чайной культуры Китая. Несмотря на то, что данная проблематика издавна находится в эпицентре пристального внимания многочисленных исследователей всего мира – теоретиков, мастеров чайного ритуала, практиков-любителей (не говоря о каждодневном опыте практически любого человека), автор диссертации представил свою работу под таким углом зрения, который обеспечил ей необходимую новизну и актуальность. Это позволило М. Н. Шведову в выгодном свете выявить и проанализировать ряд новых источников, выпукло обозначить роль межкультурных коммуникаций в этногенетических и этнокультурных процессах, охарактеризовать особенности и значение традиционных элементов ритуала в современной китайской чайной культуре, определить их соотношение с элементами инноваций.

Обращение к анализу особенностей пищевой культуры различных народов представляет собой тему, которая давно и прочно находится в проблемном поле мировой этнографии. Этнографы неслучайно подметили, что в ряду разнообразных этнических маркеров наибольшей этнографической спецификой в сфере материальной культуры народов мира обладает ниша, связанная с употреблением пищи и напитков. Вероятно, это связано со значительной временной продолжительностью и устойчивостью пищевых предпочтений тех или иных народов, что придает большую

важность их изучения как ценных источников, позволяющих судить не только об этнической истории народов, но и об этнической картине мира того или иного этноса.

В этом смысле обращение к теме чая в традиционной культуре Китая в представленной работе выглядит оправданным и целесообразным. Автор диссертации справедливо увязывает бурное развитие чайной культуры в настоящее время с поисками политическими лидерами Китая устойчивых опор в этнической традиции – в современных условиях модернизации и вестернизации. Автор убедительно доказывает, что бум чайной культуры в настоящее время в Китае – не успешно проведенный маркетинговый ход в череде мероприятий по формированию «новой парадигмы культурного строительства» (с. 4), а результат переосмысления непреходящих ценностей традиционной культуры, которая реализует свою адаптивную функцию в новых условиях. Исследователь увязывает процесс поиска национальной идентичности с выявлением этнодифференцирующих элементов традиционного общества на материале современной чайной культуры Китая (с. 5).

Во введении обоснованы научная новизна, методологическая база, практическая значимость, хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи работы, определены структура и основное содержание. Особое внимание уделено автором описанию степени изученности вопроса и классификации источников.

Несомненным достоинством работы является наличие широкого круга источников и исследовательской литературы на разных языках, включая английский и китайский. По понятным причинам, особую роль в исследовании играют сочинения на китайском языке. В поле зрения автора диссертации попадают источники разного времени и качества: сводные исторические труды («Книга истории» *Шан шу*, «Исторические записки» *Ши цзи*), «История [царства] Южное Ци» *Нань ци шу*, «История [династии]

Цзинь» *Цзинь шу*), сочинения древнекитайских философов (*Лунь юй*, *Чжуан-цзы*, *Лао-цзы*, *Ле-цзы*), литературно-художественные произведения («Книга песен и гимнов» *Ши цзин*, «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» *Ши шо синь юй*, «Ода чаю» *Чуань фу*, «Чайный канон» *Ча цзин*), древние словари («Приближение к правильному» *Эр я*, «Объяснение простых знаков и разбор составных» *Шо вэнь цзе цзы*), энциклопедии («Императорское обозрение периода Тайпин» *Тайпин юйлань*), некоторые труды по медицине, ботанике, сельскому хозяйству, документальные записи, этнографические описания, трактаты и др.

При этом М. Н. Шведов справедливо подчеркивает, что литература о чае, накопленная за несколько тысячелетий на разных языках, практически необозрима. Исследовательская проблема, видимо, состояла и в том, чтобы грамотно проанализировать, расклассифицировать доступный автору массив источников и научной литературы на разных языках, расставить акценты и приоритеты, выявить главное и второстепенное, с чем автор, в целом, успешно справился.

Совершенно справедливо М. Н. Шведов рассматривает чайное действо и чайную культуру Китая в контексте ритуального и церемониального поведения, привлекая и вышеупомянутые древнекитайские источники, и работы выдающихся отечественных и зарубежных исследователей (С. 19–24). При этом удачным опытом сравнительно-исторического исследования можно считать его обзор работ западных и китайских этнологов и антропологов, посвященных культуре вина (в частности, случаи замены напитков на традиционных пирах, переросшие с эпохи Цзинь в традицию замещения вина чаем – С. 71–88), а также попытки самого диссертанта провести исторический анализ роли дихотомии вино-чай в древней культуре Китая и выявить особенности чаепития как этнического маркера китайской культуры.

Следует признать удачным и личный вклад автора в исследование («опыт включенного наблюдения»), который позволил выразить общее и

частное, обозначить традиционные и инновационные элементы в современном чайном ритуале, выявить локальные варианты чайного действия, разделить формальные и неформальные виды чаепитий и охарактеризовать их социальные и эстетические функции (С. 136–168). При этом крайне уместным оказался анализ базовых понятий и терминов китайского чайного действия *ча дао* («Путь чая») и *ча и* («Искусство чая»), данный на большом историческом и хронологическом срезе (С. 111–120). Справедливости ради можно заметить, что сюда следовало бы еще добавить и важное понятие *ча вэньхуа* («Культура чая») и попытаться проанализировать по китайским источникам, когда оно появилось.

Вместе с тем диссертационное сочинение оказалось не свободным от недостатков. Ниже следует перечисление основных недочетов.

1) Первая (по порядку) задача, которую ставит перед собой диссертант, звучит следующим образом: «охарактеризовать условия, в которых происходили этногенетические и этнокультурные процессы на территории древнего Китая и показать их роль в межкультурной коммуникации» (С.17). Однако очевидно, что только подступы к решению этой задачи потребовали бы освоения колоссального объема археологического, лингвистического, антропологического материала, а собственное исследование и адекватное изложение его результатов могло бы стать сюжетом не одной диссертации, причем отнюдь не кандидатского масштаба. Между тем, автор отводит на решение этой первой задачи только первый параграф Главы 1 своей диссертации, объемом менее 18 страниц (С. 33–51). Совершенно естественно, что в результате получается беглый, иллюстративный пересказ достижений других авторов (в основном, упоминается несколько монографий: М. В. Крюков, М. В. Софронов и Н. Н. Чебоксаров «Древние китайцы: проблемы этногенеза», 1978; «Кэмбриджская история Древнего Китая» под ред. Д. Н. Китли, 1999; «Археологии Китая» Лю Ли и Чэнь Синцана, 2012; написанные Э. Дж. Пул्लиблэнком главы «Древние китайцы и их соседи в доисторическое

и раннее историческое время» из коллективной монографии «Происхождение китайской цивилизации» под ред. Д. Н. Китли, 1983; монографии Н. Ди Космо, 2002 и Т. Ф. Климана, 1998). Причем к дальнейшим исследованиям происхождения и развития китайской чайной культуры данная часть работы М. Н. Шведова практически никакого отношения не имеет. Жаль, что автор не последовал собственной рекомендации: «В контексте настоящего исследования можно оставить этот вопрос в стороне, как не относящийся напрямую к теме» (С. 40). В качестве альтернативы можно было бы ограничиться общим упоминанием где-нибудь во Введении: «Уже в первой половине I тысячелетия до н. э. сформировалась древнекитайская этническая общность. ...формирование ее проходило в условиях активного взаимодействия с окружающими народами, которое сопровождалось не только ожесточенными военными столкновениями, но и обменом технологиями и знаниями, культурным взаимовлиянием и процессами метисации» (С. 45). В крайнем случае, при анализе этнических контактов ханьцев с южными царствами Ба и Шу, откуда идет «чайный след», можно было бы привлечь непреходящие по научной значимости труды Р. Ф. Итса, которые почему-то не были учтены автором при рассмотрении этнической ситуации юга Китая (историко-этнографические очерки по народу мяо, 1954; очерки по происхождению народов Южного Китая, 1967; монография «Этническая история юга Восточной Азии», 1972). В контексте проблематики данного исследования этого было бы достаточно для исторического экскурса в чрезвычайно сложный вопрос этногенеза китайцев.

2) Что касается историографического обзора, предпринятого М. Н. Шведовым, то исследования по рассматриваемой в диссертации проблематике он разделил по лингвистическому принципу на три группы (на русском, английском и китайском языках), а внутри каждой из групп выделил три области исследования: этногенез китайцев, ритуал в Китае, китайскую чайную культуру. Можно соглашаться или не соглашаться с

предложенными принципами построения историографии, но, наверное, логичнее было бы выделять не английскую и китайскую, а западную и восточную группы. Сомнительно, что по исследуемой автором проблематике совсем ничего не писали на немецком, французском, испанском или итальянском языках. Кроме того, невероятно, чтобы этногенез китайцев, китайский ритуал и китайская чайная культура не получили совершенно никакого освещения в японской науке. Таким образом, встает проблема неполноты историографического обзора, предпринятого в рецензируемой диссертации.

Русскоязычная часть исследований, посвященных генезису китайской цивилизации, по сути, у М. Н. Шведова ограничивается рассмотрением монографий Л. С. Васильева (1976) и М. В. Крюкова с соавторами (1978). Между тем, из поля его зрения совершенно выпали монографии Р. Ф. Итса «Этническая история юга Восточной Азии» (1972), Я. В. Чеснова «Историческая этнография стран Индокитая» (1976) и А. И. Мухлинова «Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа» (1977). Это тем более странно, что диссертант вслед за М. В. Крюковым с соавторами считает, что «имеющихся сведений о *мань, ба, шу, пу* и других жителях юга недостаточно, чтобы связать эти группы племен с предками каких-то определенных современных народов, населяющих территории к югу от Янцзы» (С. 43). Но ведь именно такую работу и проделал в своем исследовании Р. Ф. Итс, связав древние этносы и археологические культуры Южного Китая с *чжуанами, мяо и ицзу*.

Следовало бы автору учесть и статью П. В. Познера «Царства Ба и Шу по материалам «Шуцзина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня», опубликованную в сборнике «Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века» (1981, С. 208–223). Уже совсем недавно Е. А. Гирченко и С. А. Комиссаров в статье «Саньсиндуй: земля бронзовых исполинов» («Вестник НГУ» 2012, Т. 11, Вып. 7, С. 82–90) возвели этногенез *ицзу* к археологической культуре

Саньсиндуй. Такое исследование особенно важно для затронутых в диссертации проблем, поскольку с районами юго-западного Китая (и особенно с Сычуанью) и проживавшим там в древности населением М. Н. Шведов связывает первое освоение чая как пищевого (или лекарственного) растения и происхождение китайской чайной культуры в целом.

Существенно дополнить и уточнить археологическую часть диссертационного рецензируемого исследования могли бы обобщающий труд С. Р. Кучеры «Китайская археология 1965–1974: Палеолит – эпоха Инь» (1977) и принадлежащая ему же глава «Археология Китая. Каменный и бронзовый века» в учебнике «Археология зарубежной Азии» (1986); исследование С. В. Лаптева «Предыстория и история народа вьет: археология нижнего Янцзы и юго-восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века» (Т. 1–3, 2006), а также русскоязычные статьи Д. В. Деопика и М. Ю. Ульянова, посвященные археологии Южного Китая.

2) Автор строит свое исследование на большом количестве китаеязычных текстов, оперирует терминами и понятиями, цитирует значительное число источников – и все это без привлечения иероглифики – основного смысловозначительного элемента китайского языка. Это вызывает недоумение. Одно дело, когда речь идет об относительно известных понятиях, а когда автор диссертации, к примеру, оперирует древними этнонимами и топонимами (С. 43, 45, 47–50 и др.), специальными названиями сортов чая и алкогольных напитков (С. 56–57, 93–94, 96–97 и др.) или историко-литературных произведений (С. 59, 87 и т. п.), – привлечение оригинального написания для адекватного восприятия и доказательности мысли просто необходимо. К сожалению, в ряде случаев и сама транскрипция указана неверно (С. 91 – в слове *вэньжэнь*; С. 125 – в именах собственных *Чаньань*, *Чуньи* и др.). Если уж автор сознательно отказался от использования иероглифики в тексте диссертации, то надо было хотя бы составить глоссарий терминов и вынести в Приложение иероглифический

указатель произведений, этнонимов, топонимов, сортов чая и вина, различных терминов, упоминаемых в работе. Это, несомненно, усилило бы аналитический элемент исследования и украсило сам текст.

3) В пункте 1.3 Главы 1 (С. 63–89), озаглавленном как «Распространение чайной культуры в Китае с раннего средневековья до середины правления династии Тан (III–VIII вв.)», собственно о чае речь почти не идет: в основном, кратко излагается политическая история данного периода, особенности литературной ситуации, живописной и художественной традиции, религиозно-мировоззренческого фона (С. 63–71), а далее (С. 71–87) идет описание культуры винопития как альтернативы чаю, сопровождаемое обильным цитированием примеров из древней поэзии, посвященной возлияниям (С. 74–75), а также из анекдотов про пьяниц и дебоширов из письменных источников III–IV вв. И только на последних двух страницах этого раздела можно найти упоминания о чае, который начал распространяться в это время. Следовало бы либо перекомпоновать в целом интересный материал, либо подкорректировать название раздела.

4) На С. 101 приведена цитата из монографии Гуань Цзяньпиня «Чай и культура Китая» (2001), где упоминается название книги японской исследовательницы чайной культуры и само ее имя. К сожалению, в тексте неверно указана японская транскрипция и произношение названия как самой книги, так и имени японского автора (вместо названия *Ча каро садо* следовало бы указать единственно верную транскрипцию *Тя кара садо*: – «От чая к Пути чая», а имя Хигаси-кун по структуре никак не может быть женским именем, – скорее, кличкой животного или именем подростка, на крайний случай, экстравагантным псевдонимом).

5) На С. 110 указаны простым перечислением фамилии ряда уважаемых этнологов, социологов и антропологов – как российского, так и зарубежного происхождения. Этика научного цитирования подразумевает обязательное указание инициалов. Так же как желательно было бы указывать переводчика

многokrатно цитируемых изречений Конфуция (напр., на С. 120), поскольку синологам известны как минимум восемь вариантов перевода на русский язык его знаменитого труда «Беседы и суждения».

6) К сожалению, текст не свободен от множества орфографических (С. 45, 84–86), стилистических (С. 44, 50, 55, 81 и др.), пунктуационных (С. 48, 52–53, 56, 58–59, 64, 78, 82, 86, 90, 101–103, 106–108, 110–112, 114, 117, 120, 130 и др.) недочетов, есть много досадных описок и грамматических оплошностей (С. 50, 55, 108). Кроме того, автор допускает риторические вопросы, иронично-эмоциональные высказывания (напр., «что возьмешь с пьяного человека?» – С. 82; «представьте себе знойный день» – С. 136 и др.), мало уместные в научном труде.

7) В пункте 2.3 Главы 2 («Варианты чайной церемонии китайцев»), где речь идет уже о современных вариантах чайного действия, автор дает краткий комментарий к вынужденной лакуне в тысячу лет в рассмотрении истории развития чайной культуры в Китае (С. 136), но недоумение все же остается. За рамками диссертационного исследования в этом случае оказываются весьма важные вехи в эволюции чайной культуры, включая развитие инструментария, методики заваривания чайного листа, его сбора, обработки и просушки, анализ особенностей видов сырья, типов воды для заваривания чая, формирование традиции чайных соревнований и представлений, пути транспортировки чайного товара, феномен специфических «чайных денег» *чаби*, маршруты Великого Шелкового пути (что тоже имело отношение к средневековым этническим процессам) и другие этнически окрашенные элементы чайной культуры Китая. Впрочем, такая широкая проблематика лишней раз свидетельствует о неохватности этой темы и сложности задач, поставленных диссертантом.

Высказанные замечания не умаляют очевидных достоинств представленной диссертации и во многом имеют факультативный характер. Основные положения и выводы данного исследования в полной мере

отражены в автореферате. Рукопись диссертаций Шведова Максима Николаевича «Чайная культура китайцев: истоки и эволюция» по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, соответствует требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. за № 842.

М. Н. Шведов заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата исторических наук.

Войтишек Елена Эдмундовна,

доктор исторических наук, доцент,

заведующая кафедрой востоковедения гуманитарного факультета

федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Новосибирский национальный исследовательский государственный университет"

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

(383)330-3244

rector@nsu.ru

www.nsu.ru

11 декабря 2014 г.

